

Оглавление

<i>Доля скепсиса</i>	13
----------------------	----

На улицах

Ребусы для прибывающих	18
Выглядеть как подобает	21
Империя улыбок	26
Идеальная актриса	34
Держать лицо	39
Части и целое	44
Вне времени	48

У стойки

Свободных коек нет	58
В ваших мечтах	65
Япония: новый уровень постижения	69

Двух с половиной мерные персонажи	75
В воротах тории	82
К вашим услугам	85
Ист-Пойнт	94
В поисках «да»	101
«Яблоко» в райском саду	105

В храме

Пустая комната	118
На коврике для медитации	124
Слова	129
Без слов	134
О чем ты будешь скучать?	141
Толпы	145
В саду	149
Свобода от выбора	155
Быть в ответе	159
Мост Сомнений	168
Шиворот-навыворот	173

ЗА ЗАКРЫТЫМИ ДВЕРЯМИ

То, что внутри	180
Прекрасный пол	186
Одна большая семья	195
Другая сторона скорби	203

Из окна

Дальний остров	208
Прогулка в парке	216
Умение быть другим	222
Совсем как мы	226
Игра в мяч	232

На горизонте

Духи прошлого	244
Чем больше все меняется...	251
Конец — новое начало	260
<i>Письмо от друга</i>	265
<i>Об авторе</i>	269

Эта небольшая книга практически
всем — от необычного названия
до эксцентричной композиции —
обязана необыкновенно щедрой Энни
Диллард, ценительнице всего зримого
и незримого, обладательнице сердца
размером с бейсбольный стадион «Форбс-
филд», и Роберту Ричардсону, эталону
самоотверженности и достоинства,
прекрасному, вдохновляющему автору
и джентльмену.

Спасибо вам обоим

*Внимание в высшем своем проявлении
то же самое, что молитва*.*

СИМОНА ВЕЙЛЬ

* Перевод Н. Ликвинцевой.

Доля скепсиса

Я прожил в Западной Японии больше тридцати двух лет и, к моему восторгу, сейчас знаю о ней гораздо меньше, чем когда приехал. Эта страна обтекаемых форм дает вам ровно то, чего вы от нее ожидаете, но под гладкой поверхностью обнаруживается столько неожиданностей — и вы не знаете, что с ними делать. Эта родина сосредоточенности на внутренней жизни изо дня в день показывает мне, что, выражаясь словами Пруста, «перемены погоды достаточно, чтобы заново создать мир и нас самих»*.

Я никогда не изучал Японию и не работал внутри страны, я все еще живу в Наре по туристической визе, чтобы напоминать себе о том, насколько я здесь чужой. Я говорю на японском так, как могла бы говорить двухлетняя девочка, поскольку весь свой язык я почерпнул у жены, а в японском даже

* Перевод Н. Любимова.

слово «я» отличается для мужчин и женщин. Однако я прожил с женой, уроженкой Киото, и нашими до мозга костей японскими детьми уже тридцать два года, и большая часть этих лет прошла в никому не известном пригороде, где не встретишь других иностранцев. И все же истина, как показала мне Япония, сокрыта глубоко — вне досягаемости любого языка.

Многое в этой книге может привести в бешенство знатоков Японии; меня и самого часто раздражает написанное. Утверждения в одной главе как будто бы противоречат утверждениям в другой; а пассажи, уместные в описании храма, внезапно оказываются в разделе об отеле любви и наоборот. Многое из того, что я приписываю Японии, очевидно, относится ко всей Восточной Азии, а некоторые мои наблюдения из Киото совершенно неприменимы к сельским районам.

И тем не менее. Это лишь провокации, реплики, призванные пробудить в вас собственные мысли. «Противоположность великой истины, — как принято говорить в храмах Киото, — тоже истина». Я старался организовать эти заметки таким образом,

чтобы вы, как и многие из нас, перемещались от шумных запруженных улиц к безупречно выверенным интерьерам и затем наконец оказывались в уединенном месте, где уже невозможно мыслить в терминах Японии и Запада. Но если вы будете читать фрагменты этой напоминающей веер книжки не по порядку — то в битком набитом поезде, то в тихом храме, — вы будете постигать эту страну, как и большинство из нас, — перескакивая от незнакомого к знакомому и обратно.

Я назвал книгу «Япония с первого взгляда» не столько потому, что она рассчитана на тех, кто не знаком с этой страной, сколько потому, что ее автор сам открывает ее для себя. Жизнь в Японии научила меня чаще задавать вопросы, чем выступать с утверждениями. Первое правило для иностранца в Японии — никогда не говорить с полной уверенностью, а второе — ничто не воспринимать слишком серьезно.

НА УЛИЦАХ

Ребусы для прибывающих

Сойдя с поезда на вокзале в Киото, вы видите указатель с одиннадцатью стрелками. Они указывают налево, направо, вперед и назад. Посередине знак вопроса.

•

Платформа ноль находится рядом с платформами тридцать один и тридцать два, а большой щит с заголовком «Ресторанный гид» сообщает, что только вокруг вокзала имеется сто семь точек общепита. В непосредственной близости также расположено двадцать два отеля. В первом же из них вы найдете пятнадцать банкетных залов, пятьсот шестнадцать номеров, халяльное меню, клинику, фотосалон и церковь.

•

Вокруг такое изобилие, а найти что-либо практически невозможно. Вы живете будто на сайте: со всех сторон на вас выскакивают

окошки и ссылки, ведущие в художественную галерею или сад, разбитый на крыше вокзала, шестиэтажное почтовое отделение или тринадцатизэтажный торговый центр. Но никто не сообщил вам пароль.

•

Повсюду встречаются обрывки английского, французского, немецкого, но они служат скорее декорацией — эдакими цветовыми или звуковыми акцентами — и окружены символами из совершенно отдельных систем письма. В итоге складывается впечатление, что сто один человек говорит на тысяче и двух языках, ни одного из которых не понимает.

•

Говорят, в Японии нет адресов, и даже хуже: дома обозначаются какими-то наборами цифр и иногда они указывают на время строительства, а иногда на что-то еще. Когда я, моя жена или наша дочь записываем адрес квартиры, где мы живем все вместе, каждый из нас указывает совершенно разные названия улицы.

•

До того как Токио испытал влияние Запада, в нем было вдвое больше Т-образных перекрестков и тупиков, чем широких дорог. Город-крепость был специально устроен так, чтобы сбивать с толку захватчиков. После Второй мировой войны его отстраивали заново в соответствии с тропинками, проложенными между руинами разбомбленных зданий, отчего ландшафт сделался еще более странным.

•

В поезде на Киото я указываю жене-японке на милую рекламу с изображением плюшевых мишек: у одного приколот значок, другой стоит рядом с красной машиной скорой помощи.

— Тут говорится, — переводит она, — что, если ты видишь, как бьют ребенка, ты должен позвонить по этому номеру. Иначе ребенок может умереть.

— А та картинка, на которой перешептываются симпатичные лис и медведь?

— Это юрист, — объясняет Хироко. — Он поможет, если у тебя какие-то неприятности.

Выглядеть как подобает

Когда около 1872 года в Японии впервые появились кролики, они сразу обрели настолько бешеную популярность, что за одно животное давали сумму, которая сегодня равняется двадцати тысячам долларов.

•

В 1970 году с крыши одного многоквартирного дома в Токио сбросилась женщина, и с тех пор с этой же крыши сбросилось еще приблизительно сто пятьдесят человек.

•

Субботним утром я сажусь на поезд и вижу стайки ребятишек в школьной форме, офисных работников со значками на лацканах, группы молодых женщин в темных костюмах. В том же поезде на следующий день я встречаю парня в парусиновых туфлях на босу ногу с подружкой,

обутой в ультрамодные тяжелые снегоступы (хотя снег в этих местах никогда не выпадал). Каждому отведена своя роль, но в нерабочее время даже близкие люди могут обнаружить, что играют в разных постановках.

•

Во время медового месяца японские молодожены планируют парные наряды на каждый час поездки. Даже подружки, вместе вышедшие за покупками в воскресенье, часто подбирают одинаковые прически, накладные ресницы и белые ботинки. Мода здесь все меньше направлена на то, чтобы выделиться из толпы, а ориентирована на слияние с другими — по крайней мере, с той микрогруппой, к которой вы принадлежите.

•

Итак, иностранцу следует знать: одежда здесь не призвана формировать впечатление о человеке, она просто обозначает его роль. Но роли в Японии сменяются со скоростью света; с начальником, коллегой и секретарем японцы говорят разным

голосом (и даже используют разные формы местоимения «я»). Не стоит судить о книге по обложке, особенно если это иностранная книга с десятком обложек на любой вкус.

•

В 1999 году я разыскал человека, который считается изобретателем караоке, чтобы сообщить ему, что редакторы из журнала *Time* включили его в список «Сто азиатов века». В ответ он вручил мне визитку, рекламировавшую его услуги в качестве дрессировщика собак.

•

Благообразная матрона со сложенными на коленях руками, чей наряд уместнее смотрелся бы в церкви, на самом деле та еще оторва, готовая на все с кем угодно, объяснила мне жена. А эта тощая как жердь двадцатитрехлетняя модель в чулках в сеточку и с идеальным макияжем — как ошарашенно сообщил мне ее парень из Калифорнии — никогда ни с кем не встречалась.

•

Когда мы бываем за границей, я часами уговариваю жену одеться попроще, поскольку, если она нарядится, окружающие почувствуют себя серой массой на ее фоне. Надеть дизайнерское платье, чтобы пройтись до банкомата, для нее правило хорошего тона — такое же, как носить черное на похоронах или изъясняться полными предложениями.

•

Двое из пяти японских мужчин выщипывают брови, и первыми гейшами — в XIII веке — были мужчины. Руководство для самураев, написанное в XVIII веке, рекомендует: «Нужно всегда носить с собой румяна и пудру. Может случиться, что после отдыха или сна человек выглядит бледным. В таком случае следует нарумянить себе лицо»*.

•

«Моя жена сказала, что не встречала в Японии настоящего мужчину, — поделился со мной

* Перевод Р. Котенко.

американский друг, выросший в Токио, — пока не познакомилась с актером кабуки, специализирующимся на исполнении женских ролей».

•

Только простодушный назвал бы моих соседей двуличными; на самом деле репертуар масок у них огромен, на все случаи жизни. Но и мы, описывая одно и то же явление матери и возлюбленной совершенно разными словами, в этом на них похожи. Просто диапазон у нас гораздо меньше.

•

Недаром сам Будда говорил противоположные вещи в разных ситуациях: то, что подействует на толпу монахов, вряд ли откликнется группе купцов. То, что кажется нам «непоследовательностью», на деле оказывается последовательным стремлением делать то, что уместно.

Империя улыбок

Девушек в Японии учат вдевать правую сережку левой рукой, потому что это смотрится более привлекательно.

•

Молодых женщин также учат выглядеть милыми, радостными и столь же юными, как девочки-подростки. Поскольку мы скорее стараемся казаться искушенными, нам порой непонятно, как вести себя с теми, кто стремится выглядеть невинным и наивным.

•

Прославленный французский философ и семиотик написал о Японии забавную книжку под названием «Империя знаков»; он совершенно упустил из виду, что на самом деле эта страна — Империя улыбок, которые куда человечнее, притягательнее и сложнее в эмоциональном отношении, чем любой знак.

•

«У всех “ягуаров” названия моделей, как у ракет: XJ-S, XJ8, E-Туре... — отмечает Пол Бейти в романе “Продажная тварь” (The Sellout). — А японским “хондам” названия как будто придумывают пацифисты и сотрудники гуманитарных миссий: Accord — “согласие”, Civic — “гражданский”, Insight — “озарение”».

•

Японцы верят, что сосредотачиваться лучше на хорошем: нелегальные черные рынки после войны именовались ими «рынками под голубыми небесами», а мусорная свалка в Токио — Островом Мечты. Ведь первая из четырех благородных истин буддизма гласит: все в мире пронизано страданием. В улыбке героя фильма Ясудзиро Одзу заключено больше печали, чем в любом всхлипе и стоне.

•

«Вы, европейцы, полагаете неприличным обнажать свое тело, — слышал писатель-путешественник от принимавшего его японца

в 1920-х, — однако без всякого стыда вы обнажаете свой ум. Всем известно, как устроены мужчины и женщины, поэтому мы не стесняемся обнажать тело. А вот выставять напоказ наши мысли мы считаем неуместным».

•

Поскольку японцы ничего личного не выносят на публику, можно сделать вывод, что это обезличенный народ. Но когда работница крошечной кондитерской дарит вам ослепительную улыбку, а после тратит долгие минуты на то, чтобы упаковать ваш эклер стоимостью полтора доллара в розовую коробочку, положив в нее пакетик со льдом, чтобы десерт не перегрелся по дороге домой, заворачивает коробочку в бумагу с рисунком по сезону, прикрепляет бантик (любой цвет на ваш выбор) с наклейкой, чтобы коробочка не открылась, — вы попадаете в пространство сверхличного. Все здесь глубоко личное, просто это не имеет никакого отношения лично к вам.

•

Британская писательница и журналистка Анджела Картер писала, что, даже будучи

влюбленной, живя долгое время со своим японским бойфрендом, «время от времени задавалась вопросом: до какой степени притворное чувство, проявляемое с абсолютной убежденностью, может стать подлинным?».

•

Британцы все же склонны подшучивать над ролью, отведенной им в национальной пантомиме; в доиронической Японии куда важнее быть серьезным. Враг искренности, по мнению Оскара Уайльда, не столько стиль, сколько ее публичное выражение.

•

Мои японские друзья гораздо увереннее позируют для фото, поют в караоке и даже выступают на сцене, чем практически любой известный мне представитель западной культуры. Но спросите их, что они думают или чувствуют, и они неловко замолчат.

•

Японский художник Такаси Мураками завоевал всемирную славу: он называет свои выставки

«Эго», открывает магазины прямо посреди экспозиций, получает тринадцать миллионов долларов за одно произведение — даже притом что уже не создает объекты своими руками.

Тем не менее, когда я однажды провел с ним целый день в Лос-Анджелесе, куда Мураками приехал выступить перед публикой — он вышел на сцену, переодетый мультяшным клоуном, — я увидел, какой он на самом деле вдумчивый и собранный, до глубины души японец, хоть и играет иную роль. Когда я завел разговор об аниме-режиссере Хаяо Миядзаки, которого художник называет своим «гуру и наставником», он вдруг сделался молчаливым, почти благоговейным, и мне стало ясно, что Мураками-сан*, получивший докторскую степень по классической японской живописи, глубоко усвоил традиции, которые теперь в собственном творчестве переворачивает с ног на голову.

* Вежливый суффикс в японском языке, добавляемый к имени или фамилии человека. — *Здесь и далее прим. научного консультанта, если не указано иное.*